

Хань Ци кашлянул:

— Даосский наставник Чжэнь погружен в искусство плавки пилюль и не сведущ в мирских делах. Как же он может знать о милосердии Государя? Это зеркало тысячи ли — орудие государства, и рецепт следует преподнести, чтобы Управление строительных работ могло изготовить его. Государь может освободить стеклянные мастерские семьи Хань от торгового налога, чтобы полностью выразить патриотические устремления даосского наставника.

Сказав это, он, опасаясь, что Чжэнь Цюн не поймет, добавил:

— Налог на стекло возрастет до двадцати процентов. Если его отменят, это будет милость Сына Неба.

На этот раз Чжэнь Цюн все понял! Его доля прибыли составляла всего десять процентов, а освобождение от налога сэкономит двадцать пять процентов — разве это не выгодно? Его глаза сразу загорелись, и он устремил взгляд на Государя.

Чжао Сюй, увидев его полный ожидания взгляд, не смог сдержать улыбки:

— Я не могу обидеть заслуженного человека. Как сказал министр Хань, освободим стеклянные мастерские семьи Хань от налогов.

Для Чжао Сюя это тоже было выгодным делом. Сколько торгового налога могла принести одна новая лавка в Восточной столице? А получив рецепт стекла, расходы на изготовление зеркал тысячи ли, несомненно, резко сократятся. В будущем, возможно, не только Западная армия, но и все войска смогут быть оснащены ими! Однако, получив этот предмет, можно было бы заглянуть в запретные места, а передача его Ляо и Ся тоже была бы проблемой, поэтому лучше установить больше запретов.

Восстановив потери старшего чиновника Хань, Чжэнь Цюн тоже был невероятно рад и поспешил поблагодарить за милость.

Вызвав этого даосского наставника во дворец, Чжао Сюй за короткое время решил три важных дела, что привело его в восторг:

— А взрывчатка, через сколько дней ее можно будет изготовить?

— Через три дня! Тогда я представлю ее Государю для осмотра! — Чжэнь Цюн чуть не постучал себя в грудь, чтобы заверить. Совершенно не замечая, что его «бессмертный» облик был полностью утрачен.

Это было даже раньше, чем ожидалось, и Чжао Сюй не мог не радоваться, он непрерывно хвалил, а затем подарил даосское одеяние и нефритовый подвес, прежде чем отпустить его из зала. Когда тот ушел, Чжао Сюй с чувством произнес:

— Этот даосский наставник наивен и простодушен, действительно необычный человек.

Чжао Сюй тоже вырос за пределами дворца и лишь в зрелом возрасте последовал за отцом во дворец. Поэтому он был знаком с жизнью простого народа, но, оказавшись во дворце и заняв трон, рядом с ним не было таких прямодушных людей. Теперь, увидев этого даосского наставника, он почувствовал к нему симпатию.

Услышав это, взгляды всех придворных невольно устремились на Хань Ци. Многие в душе

скрежетали зубами, ненавидя этого старого хитреца за его умение угождать. Похоже, что даже отставка с поста начальника горного управления не сможет его свалить. Нужно придумать другой способ...

Ожидая у ворот дворца, Хань Мяо чувствовал, как время тянется бесконечно. Неужели Цюн перед лицом Государя сказал что-то не то? Если он обидит министра, сможет ли министр Хань защитить его? Только бы он не попал в чужую ловушку.

Он прождал, казалось, целую вечность, когда знакомый силуэт наконец появился из-за дворцовой стены. Он быстро подошел к нему:

— Цюн, все в порядке?

Глаза Чжэнь Цюна сияли:

— Мяо, наша стеклянная мастерская освобождена от налогов!

Хань Мяо вздрогнул:

— Ты преподнес рецепт стекла? Почему освободили от налогов?

Преподнести рецепт стекла не должно было привести к такой награде! Освобождение от налогов — что это за награда?

Чжэнь Цюн решительно кивнул:

— Государь спросил, какую награду я хочу, и я упомянул о рецепте стекла, а министр Хань предложил освободить от налогов. Теперь не о чем беспокоиться!

— Подожди! — Хань Мяо чуть не поседел от волнения. — Почему Государь спросил, какую награду ты хочешь?

Просто получение меди из купороса — как это могло заслужить обещание Сына Неба? Неужели что-то пошло не так?

— Разве ты не говорил, что нельзя становиться чиновником? — с удивлением ответил Чжэнь Цюн. — Государь еще предложил мне выбрать храм для проживания, но как я мог согласиться? Вдруг опять придется обходиться без мяса...

— Почему Государь наградил тебя? — Хань Мяо, не дав ему закончить, вернул разговор на прежнюю тему.

Тут Чжэнь Цюн вспомнил:

— Эти министры сказали, что добыча руды сложна, и я упомянул, что можно использовать взрывчатку. Кто бы мог подумать, что они не знают, как ее изготовить, и поручили мне это...

Из пространного рассказа Чжэнь Цюна Хань Мяо наконец понял, что произошло, и почувствовал себя обессиленным. Как это так, что при встрече с Государем вдруг появилась взрывчатка? Хотя, подумав, во время новогоднего фейерверка Цюн действительно говорил, что знает о цветах пламени и о том, как очищать порох, так что это не так уж странно. Но если взрывчатка действительно будет изготовлена, ее можно будет использовать не только для добычи руды, но и для создания огнестрельного оружия... Это еще одно орудие государства...

Глубоко вздохнув, Хань Мяо мягко спросил:

— Кроме освобождения от налогов, Государь еще что-нибудь подарил?

— Еще пять даосских одеяний и набор нефритовых украшений, — Чжэнь Цюн с гордостью похвастался.

Только тогда Хань Мяо успокоился: раз Государь еще наградил, а Хань Ци помог замять дело, все должно быть в порядке. Но кое-что все же нужно было сказать. Взяв Чжэнь Цюна за руку, он сказал:

— Цюн, ты действительно способный, но с этими мелкими делами в мастерской тебе не нужно беспокоиться. Впредь просто сосредоточься на плавке пилюль.

Чжэнь Цюн энергично кивнул:

— Мяо, не беспокойся, изготовить взрывчатку очень просто, я обязательно сделаю это за три дня!

Это было совсем не то, что он советовал. Однако, глядя на улыбающееся лицо Чжэнь Цюна, Хань Мяо вдруг подумал, что в этом нет ничего плохого. Эти странные вещи, если они приносят пользу государству, пусть их будет больше. К тому же, чем больше он дарит, тем больше Государя это ценит, и никто не посмеет легко тронуть Чжэнь Цюна.

Что касается тех, кто плетет интриги за спиной, он будет стоять на страже и отражать любые удары.

Получив похвалу, Чжэнь Цюн вернулся домой в приподнятом настроении и сразу же углубился в очистку ингредиентов. Хань Мяо же отправился в резиденцию канцлера, чтобы просить аудиенции у Хань Ци.

— Твой даосский наставник, и правда, не похож на обычных людей, — увидев Хань Мяо, Хань Ци с интересом отшутился. Хотя Хань Мяо и говорил, что Чжэнь Цюн не сведущ в светских делах, он не думал, что этот парень настолько странный и способен заставить замолчать целую стаю старых лис.

Хань Мяо горько усмехнулся:

— Он с детства вырос в даосском храме, погруженный в плавку пилюль, и действительно не умеет говорить. Не знаю, не сказал ли он сегодня на аудиенции чего-нибудь лишнего и не разгневал ли Государя?

— Беспокоиться не об этом, — уверенно ответил Хань Ци. — Государь очень доволен тем даосским наставником.

Рассмешить Сына Неба — дело непростое, особенно когда перед тобой молодой правитель, мечтающий стать «мудрым государем». Нужно иметь талант и соответствовать воле монарха, не представляя угрозы и не вызывая чувства «подхалимства». Для обычного чиновника это слишком сложно.

Но Чжэнь Цюн сразу же преподнес рецепт стекла и рудник Яньшань. Для правителя, чья казна была в убытке и кто целый день терял голову от тревог, это уже было сокровищем. Более того, у него простые помыслы, он не жаждет власти, категорически отказывается от должности и

хочет быть лишь человеком за пределами мира. Как же такой человек может не благоволить Государю?

Однако Хань Ци волновало другое:

— Насчет того, что он сказал о «своем учителе», действительно, никто не смог ничего выяснить?

Это Хань Мяо ему уже говорил, но услышать, как Чжэнь Цюн рассказывает об этом при дворе, было все равно что... Эта версия звучала слишком фальшиво, но тот даосский наставник narrated it с таким серьезным видом. Если бы кто-нибудь поймал его на этом, возникли бы проблемы.

Хань Мяо в этом отношении был спокоен:

— Цюн действительно одарен свыше. Я тоже проверял те храмы, где он жил раньше, но не нашел ни белого сахара, ни стекла, не говоря уже о какой-то взрывчатке. Если это не бессмертный передал ему письма, то это знак от Неба. Думаю, никто не станет искать неприятности сам.

Если бы сказалось, что его научил бессмертный, можно было бы списать всё на отшельника или чудака — так хоть свой авторитет поднимешь. Но если он сам, без учителя, создал столько странных вещей, объяснить будет трудно. Думаю, никто не настолько глуп, чтобы искать проблем.

Авторская заметка:

Хань Мяо: Как твой дебют, малыш, не боялся?

Чжэнь Цюн: Не боялся, компания еще и от налогов освободилась! Здорово!

В эпоху Сун уже были огнестрельные орудия, но они больше использовались для поджогов и дымовых завес, а не взрывов, так как без очищенных компонентов взрывная сила была слабой. Только к середине эпохи Мин мир начал использовать огнестрельное оружие, и это был технологический прорыв.

Некоторые беспокоятся о том, что избыток денег вызовет инфляцию. Эм, медные монеты и бумажные деньги — это разные вещи, первые сами по себе имеют ценность, и вызвать инфляцию сложно. А эпоха Сун была временем самого серьезного дефицита монет в истории, экономика была высокоразвитой, торговля перешла от бартера к использованию денег. Но рудников было слишком мало, и предложение монет не успевало за спросом. В какой-то момент даже пришлось перейти на железные монеты. Так что не беспокойтесь. К тому же медь можно использовать не только для монет, но и для других целей.

<http://bllate.org/book/16827/1547526>